

МИРЛАН КОЖАБАЕВ

СТАЛЬНОЙ ГОРН

ТОМ 3

Мирлан Кожабает

ПУТЬ Ш Сतालнот Горн

«Автор»

2026

Кожабаев М.

ПУТЬ III Стальной Горн / М. Кожабаев — «Автор», 2026

Они пришли из глухой тайги и заснеженных ущелий Алтая — восемь разрозненных кочевых племен, едва выживших после великого джута. Сто тридцать лет суровой войны с сильнейшей империей Азии выковали из них единый стальной монолит. Но когда вековой враг повержен, наступает самое страшное испытание — испытание абсолютной властью, накопленным богатством и миром, который меняется слишком быстро. На востоке рушатся старые царства, на севере полыхают стратегические кузницы в ледяном аду Саян, а на юге, среди заоблачных круч Тянь-Шаня, рождается новая карта народов. Этот роман — история о том, как дикая кочевая степь ломает саму себя, пытаясь перешагнуть в новую эпоху. И пока внутри новорожденного государства зреет неизбежная междоусобная трещина, на восточном горизонте уже поднимается тень голодного монгольского волка, готового сожрать всю Степную Ойкумену. Век Сабли уходит. Наступает век каленой Стали и Крови.

© Кожабаев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Том 3 Стальной Горн Часть 1. Граница на замке Глава 1. Стела и барабаны	6
Глава 2 Восемь	11
Глава 3 Ущелье	16
Глава 4 Стена	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

ПУТЬ III Стальной Горн

Аннотация

Они пришли из глухой тайги и заснеженных ущелий Алтая — восемь разрозненных кочевых племен, едва выживших после великого джута. Сто тридцать лет суровой войны с сильнейшей империей Азии выковали из них единый стальной монолит.

Но когда вековой враг повержен, наступает самое страшное испытание — испытание абсолютной властью, накопленным богатством и миром, который меняется слишком быстро. На востоке рушатся старые царства, на севере полыхают стратегические кузницы в ледяном аду Саян, а на юге, среди заоблачных круч Тянь-Шаня, рождается новая карта народов.

Этот роман — история о том, как дикая кочевая степь ломает саму себя, пытаясь перешагнуть в новую эпоху.

И пока внутри новорожденного государства зреет неизбежная междоусобная трещина, на восточном горизонте уже поднимается тень голодного монгольского волка, готового сожрать всю Степную Ойкумену.

Век Сабли уходит. Наступает век каленой Стали и Крови.

Том 3 Стальной Горн Часть 1. Граница на замке Глава 1. Стела и барабаны

Стела стояла.

Она неизбежно высилась на гребне холма вот уже сто тридцать лет. За это долгое время нещадные степные ветры успели обтесать её некогда острые края, зеленый мох глубоко выполз в расщелины рун, а проливные дожди смыли больше половины букв. И всё же серый камень упрямо держал удар времени. Камень помнил всё. «Тенгри буюрды» — «Небо повелело» — именно эти первые слова были когда-то бережно высечены резцом Алп-Текина. В те далекие дни их род был еще совсем мал и слаб, а восемь кочующих племен даже не догадывались, что в будущем им суждено стать единым нерушимым союзом. Теперь они знали это. Теперь они больше не были малыми. Не были слабыми. Но древняя стела оставалась прежней. И священные слова на ней не изменились.

Кучлук пришел к ней на самой предрассветной заре. Он поднимался на этот холм каждый год, каждую весну, с тех самых пор, как ему исполнилось пятнадцать лет. В тот памятный день отец впервые вложил в его ладонь рукоять боевого оружия и сурово произнес: «Отныне эта стела — твоя, сын. Как этот меч — твой. Как весь наш род — твой. Иди и проверь нашу память». И Кучлук шел. Он мерил шагами путь от самого Иртыша, шел через бескрайнюю степь, преодолевал темный распадок и поднимался на гребень холма, где нес несменную вахту серый камень. Два поприща туда, два поприща обратно. Он совершал этот путь из года в год. Точно так же, как до него ходил его отец. Как ходил дед. И как великий прадед.

Кучлугу исполнилось двадцать три года. Его густые темные волосы были аккуратно заплетены в одну тугую косу — не в две, как принято у женатых мужчин, а в одну, как подобает не знающему семейных уз воину. Лицо у него было узкое, скуластое, обветренное степными буранами до оттенка темной, благородной меди. Зоркие серые глаза смотрели на мир со специфическим прищуром, который рождался вовсе не от яркого солнца, а от многолетней привычки пристально вглядываться в бескрайнюю даль. Роста он был самого среднего, но при этом отличался невероятной шириной в плечах и тяжелыми, мощными бедрами — в седле Кучлук сидел как влитой, словно составлял с конем единое целое. Его длинные руки были сплошь покрыты жесткими мозолями на костяшках пальцев — но эти следы оставил вовсе не тяжелый крестьянский плуг, а поводья боевых коней и шершавые рукояти мечей.

Он остановился прямо перед стелой. Прочитал выбитые строки — но прочитал не глазами, а едва шевеля сухими губами. Древние руны неохотно слушались его: они были слишком стертыми от времени, трудными для разбора, да и сам Кучлук вовсе не был обученным грамоте писарем. Он был прежде всего воином степи. Но самые первые, заветные строки прадеда он с детства знал наизусть: «Тенгри буюрды. Сорок один муж отдал свои жизни за свободу и честь нашего рода. Их священные имена выбиты здесь. Их вечная память — этот камень. Свободный муж своей смертью никогда не умрет». А дальше по камню тянулся длинный список. Сорок одно имя, навечно зафиксированное в граните, и самым последним в этом ряду стояло: «Кутлуг, сын Байгала, внук Еркина. Он стоял до конца».

Кутлуг. Его великий прадед. Тот самый легендарный вождь, который когда-то возвел прочную оборонительную стену у реки. Тот, кто сумел железной волей собрать воедино восемь разрозненных родов. Тот самый человек, который в далекой юности убил уйгурского мальчика с приметным браслетом и носил этот трофей за своим поясом до самого последнего вздоха. Мать часто рассказывала Кучлугу перед сном, что прадед ушел в верхний мир удивительно спокойно. Он умер, тихо сидя у домашнего очага, с тяжелым мечом на коленях и старым браслетом за поясом. Перед смертью он лишь негромко произнес: «Бронзовый волк продолжает

свой бег по кругу. А я всю свою жизнь упрямо стоял на месте. Этого вполне достаточно». После чего просто закрыл глаза. Их общий очаг продолжал ярко гореть. Бронзовый волк продолжал свой бег.

И этот легендарный меч Эркин теперь принадлежал Кучлуку. Прямой, тяжелый, потемневший от времени клинок с едва заметными рунами у самой гарды. За сто тридцать лет непрерывных войн это железо не покрылось ни единым пятнышком ржавчины. Мудрый кузнец Субаш — тот самый, который ковал его для первых вождей, — безупречно знал секреты каленой стали. Кучлук медленным, плавным движением извлек меч из ножен. Воздух прорезал всё тот же знакомый звук — это был не резкий металлический лязг, а тихий, глубокий выдох клинка. Оружие словно проснулось после долгого сна, произнесло свое первое безмолвное слово. Первый луч восходящего солнца мягко лег на темную сталь — и железо мгновенно засветилось изнутри ровным, глубоким внутренним светом. Точно так же, как оно светило при великом прадеде. Как светило при деде. Как это происходило всегда.

— Тенгри буюрды, — негромко произнес Кучлук.

Он сказал эти слова тихо, обращаясь не к случайным людям, а к самому серому камню. И камень услышал его. Камень помнил всё.

Он аккуратно вложил меч обратно в ножны и внимательно посмотрел на восток.

Там, далеко за пологими холмами, за бескрайней степью и за хребтами великого Хангая, поднимался сизый дым. И это не были мирные костры пастухов. Дым. Он тянулся по горизонту сплошной, невероятно широкой полосой, напоминая полноводную реку. Это был дым от тысяч походных костров. Грозный дым наступающей армии.

Кыдани шли на их земли.

Великая Империя Ляо — самая сокрушительная и неодолимая военная сила всей Азии — упрямо двигалась на запад. Это происходило уже далеко не в первый раз. Десять лет назад к их границам подошел первый вражеский отряд — это была обычная разведка, тридцать лихих всадников. Тогда молодой Бёри-бек — внук того самого легендарного Бёри — вовремя заметил их движение у Каменного Брода и со своими людьми перехватил врага. Пять отрубленных голов кыргызов он лично привез к лагерю, приторочив к луке своего седла, а остальным пяти всадникам удалось спастись бегством. Прошлой зимой нагрянул второй отряд — уже полные двести сабель. Быстрый Караш-бек встретил их в темном распадке, сумел отбиться и прогнать врагов, но этот бой стоил союзу шестерых погибших воинов. И трое из них были совсем зелеными мальчишками, первогодками, которым старейшины еще даже не успели по закону остричь косы.

А теперь на них шел этот бесконечный дым. Дым колоссальной регулярной армии.

Кучлук неторопливо вернулся к своим коням. Его верный гнедой скакун преданно ждал хозяина — спокойно и смирно, как умеют ждать только кони настоящих воинов. Он не храпел испуганно, не переступал копытами с ноги на ногу, а просто стоял и ждал. Кучлук привычным движением нащупал ногой стремя — короткое, удобное горное стремя. В степь окончательно пришел век железных стремян. Гнедой сорвался с места сразу в галоп, без предварительного шага или рыси, словно сам прекрасно понимал: это не праздная прогулка по пастбищам, впереди их ждет суровое боевое дело.

На берегах Иртыша сейчас раскинулись два огромных лагеря. Один из них был мирным, родовым — он стоял у самой старой стены, там, где высились войлочные шатры племени Йенгли. Второй лагерь был чисто военным, он расположился чуть южнее, у речного брода. Там Караш-бек бессменно держал отряд из тридцати лучших лучников и десяти тяжелых копейщиков. Пространство между лагерями было напрочь вытоптано копытами до голой серой глины, покрыто сетью глубоких троп, которые за последнюю неделю успели пробить гонцы союза. Вестники прискакали изо всех уголков степи каждый божий день — с севера, юга и дальних

гор. И все они приносили одну и ту же тревожную весть: кыдани идут. Идут огромной, неодолимой силой. К ним движется карательный имперский отряд.

Кучлук стремительно влетел в военный лагерь. Жилистый Караш-бек уже ждал его, привычно замерев на корточках у самого костра с боевым луком в руке. И лук этот был вовсе не огромным степным оружием, а малым, коротким горным луком, о существовании которого обычные татары даже не догадывались. Это было особенное оружие, созданное специально для тесных ущелий — там, где длинный лук неизбежно будет задевать за выступы скал при натяжении. Караш принадлежал к числу тех немногих старых беков, которые еще смутно помнили великого Тогрула — помнили не лично, конечно, а по уважительным рассказам отцов. Он был удивительно быстрым, нетерпеливым и сухим мужчиной. Он всегда замирал на корточках и в любую секунду был готов мгновенно вскочить на ноги для решительного действия.

— Сколько их? — прямо с седла спросил Кучлук. Он не стал тратить драгоценное время на вопросы «кто они» или «когда именно придут». Количество — вот что сейчас было самым главным фактором.

— Полная тысяча воинов, — глухо ответил Караш-бек, не поднимая глаз. — А может, и того больше. Впереди идет регулярная конница, а тяжелая пехота движется на обозах чуть позади.

— Где они сейчас находятся?

— В трех днях пути от наших границ. До Иртыша им ходу от силы два дня. Это если мы не попытаемся остановить их на дальних рубежах.

— Мы остановим их, — спокойно произнес Кучлук. Он не стал кричать во весь голос и не пытался казаться грозным, он произнес это просто и емко. Точно так же, как великий Тогрул когда-то очень давно сказал перед своей главной битвой: «Сегодня нам нужно просто встать и держать рубеж». И сегодня им во что бы то ни стало нужно было остановить эту лавину.

Он медленно повернул голову и посмотрел на запад. Далекие горы Алтая синели на горизонте, взмывая к небу своими острыми вершинами, покрытыми вечными белыми снегами, которые не таяли даже в самый невыносимый летний зной. Глубокие ущелья. Извилистые распадки. Опасные каменные осыпи. Там, в этих суровых скалах, тяжелый конь имперского кыдани неизбежно начнет скользить и ломать ноги. Там их прочный железный панцирь превратится из надежной защиты в неподъемную обузу. Там их знаменитые длинные луки окажутся абсолютно бесполезными, ведь стрелу будет просто некуда пустить: со всех сторон тебя сжимают отвесные каменные стены, высокое небо кажется узкой щелью, а над самой головой нависают грозные булыжники.

Там был их заветный дом. Их территория силы.

— Созывай всех беков, — твердо приказал Кучлук. — Абсолютно всех. Все восемь родов должны быть здесь. Завтра утром собираемся у нашей древней стелы. Объявляю великий курултай.

Караш мгновенно вскочил на ноги и бегом бросился к коням. Гонцы союза вихрем понеслись во все стороны света, направляясь к кочевьям восьми племен. Кучлук остался у догорающего костра совершенно один. Он молча смотрел на угасающие языки пламени, погрузившись в глубокие раздумья.

Его великий прадед — Кутлуг — в свое время отважно воевал против свирепых кыргызов. Тогда триста их воинов выстояли против шестидесяти отборных врагов. Выстоял и спас народ. Его дед — Байгал-младший — отчаянно сражался против коварных кимаков. Сто их сабель вышли против сотни врагов и сумели отбиться. А вот его покойный отец — Тенгри-Куч — за всю свою жизнь не воевал вообще ни разу. Он прожил свой век в абсолютном, благословенном мире, ведь времена тогда стояли на редкость тихие и спокойные. Великая Империя Ляо находилась слишком далеко от их границ, кимаки были по уши заняты своими внутренними междоусобицами, а кыргызы и вовсе ушли далеко на север. Это были удивительно мирные

времена. И отец ушел в верхний мир тихо, без единой раны на теле. Точно так же, как прадед — сидя у домашнего очага с мечом на коленях.

«Но эти тихие времена теперь окончательно подошли к концу», — хладнокровно подумал Кучлук. В его мыслях не было ни грамма панической тревоги или страха перед будущим — в них царила абсолютная, леденящая ясность. А чистая ясность ума на войне всегда ценится гораздо выше любой слепой тревоги. Тревога лишает человека зрения, заставляя метаться из стороны в сторону, а ясность позволяет четко видеть грядущие события. И эта ясность сейчас недвусмысленно говорила ему: принять бой против тысячи регулярных кыданий на открытом равнинном поле — это гарантированная, глупая смерть для всего союза. Но зажать эту же тысячу кыданий в тесном горном ущелье — это значит превратить их в легкую, беззащитную добычу.

Тяжелый меч Эркин по-прежнему покоился у него на поясе. Прямой. Массивный. Это был именно меч, а не привычная изогнутая сабля. Удивительно архаичное, древнее оружие. Все современные кыданы давно перешли на легкие сабли — изогнутые, маневренные, клинки которых плавно скользили по кольчугам, нанося страшные резаные раны. Кучлук как опытный воин прекрасно понимал: в бешеной конной рукопашной схватке прямой тяжелый меч во всем уступает легкой сабле. Удар им сверху вниз выходит слишком тяжелым, размашистым и медленным. Сабля умеет плавно резать плоть на лету, а меч способен лишь рубить с плеча. А на всем скаку резать врага всегда гораздо легче и эффективнее, чем пытаться разрубить его доспех. И всё же Кучлук не расставался с Эркином. Это был не просто меч — это был священный клинок его прадеда. Меч Великой Стелы. Оружие, на котором были выбиты нерушимые слова «Тенгри буюрды». Кучлук отказывался менять его на современную саблю — и поступал так вовсе не из глупого юношеского упрямства, а из глубокой, нерушимой веры. Этот меч для него был не просто средством уничтожения врагов, он являлся их главным корнем. А истинные корни кочевники никогда не меняют на мимолетные ветви.

Впрочем, его сотники думали совсем иначе и охотно меняли оружие. Тот же молодой Бёри-бек уже давно с гордостью носил на поясе отличную трофейную кыданскую саблю — изящную, легкую, украшенную богатой серебряной насечкой на клинке. Да и сам Караш-бек недавно сковал себе новое оружие у потомков кузнеца Субаша — особенную саблю с сильно утяжеленным обухом. Она предназначалась не для изящного резания плоти, а именно для сокрушительного рубящего удара на всем скаку. Это была их новая, уникальная найманская сабля. Не слепое копирование имперского оружия, а свое собственное, выстраданное в боях изобретение.

«Меч — это наш нерушимый корень, уходящий глубоко в землю. А сабля — это гибкая ветвь, стремящаяся к высокому небу. Корень надежно удерживает всё дерево на месте, а ветвь упрямо тянется к свету, принося плоды. И на нашем общем дереве должно хватить места и для корня, и для ветви», — неторопливо размышлял Кучлук.

Походный костер лагеря почти полностью прогорел. Яркие угли подернулись серым пеплом, став тихими и мирными. Кучлук аккуратно подбросил в огонь охапку сухого речного тальника. Пламя мгновенно ухватило за сухие ветки, с треском взмыв высоко вверх. Кучлук замороженно смотрел на эти языки огня и думал сейчас вовсе не о предстоящей кровавой резне. Его мысли были заняты живым словом. Что он скажет завтра собравшимся у стелы бекам? Какое решение предложит союзу? И какими доводами сумеет убедить этих упрямых вождей встать как один человек?

Восемь сильных родов. Восемь независимых беков. И у каждого из них был свой собственный, гордый и неуступчивый нрав. Нынешний Балык-бек — внук того самого старого Балыка — оставался тяжелым, прямым и суровым мужчиной, который никогда не выпускал из рук свою верную палку, в точности как его великий дед из рода Бугра. Быстрый Караш-бек всегда оставался нетерпеливым и резким в решениях. Мудрый Тунук-аксакал уже полно-

стью поседел от времени и управлял своим советом старейшин, который принимал важнейшие решения не громкими криками, а скупыми, согласными кивками голов. Суровый Бэлгун-бек спустился ради этого дня со своих любимых гор — каменный, молчаливый и непреклонный. Медлительный Ташкай-бек представлял лесных кымптуров — он всегда неторопливо разжевывал слова, точно так же, как разжевывал куски сушеного курдюка из своего неизменного мешочка на поясе. Нынешний Кутлу-буга-бек казался вечно уставшим от груза своих глубоких мыслей. Молодой Алп-Текин — их хранитель памяти — уже приготовил свое тростниковое перо и чистую бересту. И, наконец, Тайбёгю. Тот самый человек, который по праву крови носил древний священный титул Тогана. Тот, чье слово ценилось в степи на вес золота.

Тайбёгю. Кучлук и Тайбёгю. Два главных корня их нового союза. Меч и Слово. Точно так же, как когда-то вместе стояли великий Еркин и мудрый Тоган. Как правили Кутлуг и писец Алп-Текин. Так было заведено их предками в прошлом. Так оставалось в настоящем. И так обязательно будет продолжаться в будущем.

Яркие угли костра окончательно остыли, превратившись в сизый пепел. Кучлук медленно поднялся на ноги. Его верный гнедой скакун продолжал преданно ждать своего хозяина в темноте ночи.

Глава 2 Восемь

Вожди родов собирались на курултай точно так же, как делали это всегда, — не торопясь, с достоинством и без малейшей суеты. Восемь беков привели с собой восемь почетных свит. Но все эти многочисленные слуги и телохранители в этот день ничего не решали — всё право голоса принадлежало исключительно бекам. Впрочем, если говорить начистоту, даже сами беки не имели абсолютной власти над судьбой союза — в конечном итоге всё решала их древняя серая стена. Камень правил людьми. Место, у которого принимались нерушимые клятвы, обладало высшей силой. Так когда-то сурово установил великий Тогрул. И это правило неизменно держалось в степи больше века.

Кучлук прибыл к месту сбора самым первым. Согласно степному закону чести, истинный хозяин дома обязан всегда приходить раньше своих гостей. А хозяин — это вовсе не тот человек, который громче всех созывает людей к своему костру, хозяин — это тот, кто умеет терпеливо ждать. Он встал у самого подножия серой стены, повернувшись лицом на восток и надежно прикрыв свою спину крутыми склонами гор. Тяжелый меч Эркин привычно покоился у него на поясе. Руки Кучлука оставались совершенно свободными. Он не стал гордо скрещивать их на груди и не прятал за спину — они просто свободно висели вдоль тела. Настоящий воин всегда ждет врага или друга именно со свободными руками. Свободные ладони всегда готовы к мгновенному действию — либо для крепкого дружеского рукопожатия, либо для смертельного сабельного удара.

Балык-бек прибыл к холму вторым. Он прискакал верхом, но к луке его глубокого седла была намертво привязана неизменная деревянная палка — точно так же, как её когда-то возили его великий прадед и дед. Нынешний Балык был уже далеко не молод — за его плечами остались полных пятьдесят суровых зим. И эта палка была нужна ему вовсе не для опоры при ходьбе из-за старческой хромоты — она служила живым символом памяти о предках. Его прадед когда-то был тяжело ранен в ногу при защите этой самой стены и хромал до конца своих дней, и теперь эта палка напоминала всему роду о его великом подвиге. Балык слез с коня тяжело, со стоном и кряхтением натруженного тела. Он с достоинством подошел к стене и занял свое законное место по левую руку от Кучлука. Они обменялись короткими, беззвучными кивками голов. Балык вообще не выносил пустых разговоров и говорил в своей жизни крайне мало — даже меньше, чем легендарный вождь Тогрул. Тогрул славился своей скупостью на слова, а этот Балык превзошел его в молчании. Но зато каждое слово, которое ему всё же приходилось ронять на курултаях, ложилось на душу людей, словно тяжелый обтесанный камень.

Быстрый Караш-бек примчался третьим. Он явился налегке, без малейших признаков почетной свиты или охраны. Короткий горный лук привычно висел за его спиной, а на поясе тускло поблескивала его новая найманская сабля с утяжеленным обухом. Караш не стал чинно стоять вместе со всеми — он сразу же привычно опустил на корточках у костра, который Кучлук успел развести у подножия камня. Он именно замер на корточках, не садясь на землю всем телом. В этом жесте был весь Караш — он в любую секунду был готов мгновенно взлететь на ноги по первому зову.

Седовласый Тунук-аксакал прибыл четвертым. Вслед за ним, словно безмолвные темные тени, почтительно шествовали трое старейшин из его родного совета. Сам Тунук никогда не принимал окончательных решений в одиночку — он лишь уважительно предлагал волю своего народа. Его совет старейшин мудро формулировал мысль, а бек претворял её в жизнь. Но при этом ни один самый гордый бек союза не имел права принять важное решение, не выслушав предварительно совет аксакалов. Так было заведено у них исстари. И это правило работало безупречно во все времена.

Суровый Бэлгун-бек спустился ради курултая со своих любимых горных вершин. Он проделал весь этот долгий путь пешком, не прибегая к помощи коней. Все люди из рода Бэлгуна рождались среди скал и всю жизнь ходили только пешком. Боевой конь хорош для бескрайней гладкой степи, а в суровых горах человек обязан полагаться исключительно на собственные крепкие ноги. Бэлгун казался таким же монолитным и непроницаемым, как и сами его родные гранитные скалы. Его лицо напоминало грубо обтесанный кусок серого камня, а узкие глаза казались едва заметными щелями в скале. Он не стал произносить приветственных слов и уселся чуть поодаль от остальных беков. И опустил он не на мягкую шерстяную кошму, а на острый обломок булыжника. Камень сел на камень — это выглядело пугающе гармонично.

Медлительный Ташкай-бек прискакал с северных рубежей степи. Это был крупный, тяжелый мужчина с густой окладистой бородой яркого, огненного оттенка — приметная черта, по которой всегда можно было безошибочно узнать людей из лесного рода Кымптуров. Он непрерывно пережевывал кусок сушеного бараньего курдюка, который постоянно таскал с собой в небольшом кожаном мешочке у пояса. Ташкай жевал абсолютно всегда, каждую минуту своей жизни. И делал он это вовсе не от постоянного чувства голода — просто это была его многолетняя привычка. Его мощные челюсти работали ровно, мерно и непреклонно, напоминая тяжелые каменные жернова водяной мельницы.

Нынешний Кутлу-буга-бек прибыл с южных пастбищ. Выглядел он, как и все его предки, смертельно уставшим от жизни. Но эта усталость рождалась в его существе вовсе не от тяжелого физического труда или болезней — Кутлу-буга уставал от непрерывного груза собственных мыслей. Люди из его рода всегда думали гораздо больше и мучительнее, чем говорили вслух. И от этих бесконечных внутренних раздумий они истощались духовно. Вождь спокойно опустил на мягкую кошму, по-турецки сложил ноги и устало прикрыл глаза. Он вовсе не собирался спать в кругу соратников — он просто продолжал мучительно думать о будущем.

Молодой Алп-Текин явился на курултай, бережно сжимая в руках кусок чистой бересты. Это был высокий, худощавый парень с аккуратным тростниковым пером, заложенным за правое ухо, и старым кожаным мешком через плечо. И этот мешок из потемневшей от времени замши, украшенный длинной бахромой из конских волос, был тем самым легендарным мешком, который носил самый первый Алп-Текин сто тридцать лет назад. Потомки великого писца свято берегли эту вещь как свою главную семейную реликвию. Для их рода этот мешок был такой же нерушимой святыней, как древний меч Эркин для Кучлука или серая стела для всего союза. Алп-Текин почтительно устроился по правую руку от Кучлука, аккуратно развернул перед собой бересту и положил перо рядом на траву. Он был готов заносить на бумагу каждое слово курултая. Точно так же, как до него это делал его покойный отец. Как писал дед. И как вел хроники великий прадед. Писари из рода Текинов занимались этим делом поколениями — это было их священное служение союзу, их живое слово.

Самым последним к стеле подошел Тайбёгю.

Он шел со стороны Иртыша медленным, невероятно неторопливым шагом. И его медлительность рождалась вовсе не от старческой немощи — Тайбёгю был совсем молодым мужчиной, ему едва исполнилось тридцать зим. Он шел не спеша потому, что его разум в этот миг был занят тяжелой, глубокой думой. Тайбёгю вообще мыслил удивительно масштабно и основательно, во всем напоминая великого вождя Тогрула: его решения рождались медленно, созревали долго, но зато всегда оказывались абсолютно верными. Его круглое, мягкое лицо с массивной, тяжелой нижней челюстью разительно напоминало черты лица древнего Тогана. Темные глаза смотрели на мир из-под тяжелых век удивительно мудрым, пронизательным взглядом — так смотрят люди, которые успели повидать в этой жизни гораздо больше, чем им положено по возрасту в тридцать лет.

На правом запястье Тайбёгю тускло поблескивал старый бронзовый браслет — литой волк, вечно бегущий по замкнутому кругу. Металл сильно потемнел от времени и пота многих

поколений вождей. Этот трофей когда-то принадлежал самому прадеду Кутлугу. Легендарный вождь всю жизнь носил его за поясом, перед смертью передал своему сыну, тот отдал его своему наследнику, и в конечном итоге браслет перешел к Тайбёгю. Бронзовый волк продолжал свой бесконечный бег по кругу. Он бежал уже полных сто тридцать лет без остановки. Этот браслет проделал долгий путь из разрушенного уйгурского города Орду-Балыка, прошел сквозь пламя многих войн, выжил после гибели маленького мальчика на лугу, переждал строительство серой стелы и теперь украшал руку Тайбёгю. Замкнулся ли этот круг истории окончательно? Нет, круг продолжал свое движение вперед.

Тайбёгю с достоинством встал у самого основания стелы. Он занял свое законное место по правую руку от Кучлука — именно там, где во времена великого Тогрула стоял первый писец Алп-Текин. Живое Слово отныне располагалось справа, а карающий Меч — слева. Так было заведено их мудрыми предками исстари. Так оставалось сегодня.

— Все вожди в сборе, — негромко произнес Кучлук.

Он не стал кричать во весь голос, но его ровный, веский тон легко перекрыл завывания степного ветра — его слова слышали абсолютно все присутствующие на курултае. Восемь великих беков. Восемь мощных корней. Один священный очаг.

На холме воцарилось долгое, глубокое молчание. И это не было неловкое или испуганное безмолвие людей, которым нечего сказать друг другу, — нет, это была тяжелая, уважительная тишина степных воинов. Никто из беков не смел нарушить этот покой пустой болтовней — все почтительно ждали. Кто-то всматривался в языки пламени костра, кто-то изучал трещины на сером камне, а кто-то ждал веского слова лидера. И Кучлук тоже ждал. Он собирался с мыслями, готовясь произнести свое собственное, решающее слово.

— Кыдани идут на наши земли, — наконец нарушил тишину Кучлук. — Их карательный отряд насчитывает полную тысячу воинов, а может, и того больше. Они находятся в трех днях пути от наших границ. До Иртыша им осталось идти всего два дня. Это случится, если мы не предпримем попытку остановить их лавину на дальних рубежах.

Холм снова погрузился в молчание. Старый Балык-бек уважительно постучал своей палкой по утоптанной земле — мерно, четко, словно отмеряя ритм собственных мыслей. Старик думал. Суровый Бэлгун-бек даже не пошевелился на своем камне, продолжая напоминать бездушное каменное изваяние. Быстрый Караш-бек на мгновение вскочил на ноги от нетерпения, но тут же взял себя в руки и снова опустился на корточки. Медлительный Ташкай продолжал упрямо и мерно пережевывать курдюк. Тунук-аксакал принялся шепотом совещаться со своими мудрыми старейшинами. Уставший Кутлу-буга на мгновение открыл глаза, окинул взглядом соратников и снова погрузился в думы, сомкнув веки. А молодой Тайбёгю просто молча и пристально смотрел на руны древней стелы.

— Целая тысяча регулярного войска, — резко прервал тишину Караш-бек. Его голос прозвучал быстро и агрессивно. — Если мы примем бой против такой массы на открытом степном поле — эта тысяча нас просто растопчет. Но если мы зажмем их лавину в тесном горном ущелье — вся их численность мгновенно превратится в жалкую сотню воинов. В узком проходе, который мы сами выберем, который мы знаем как свои пять пальцев, их тяжелые кони станут для них бесполезной обузой, а не силой. Там вся их тысяча сожмется до сотни. А с одной сотней врагов наш отряд справится без особых усилий. Мы просто перебьем их поодиночке.

— Нет, мы не сможем перебить их так просто, — тяжело возразил ему Балык-бек. Его голос тек медленно и сурово. Старик снова веско стукнул палкой по земле. — Да, эту конкретную сотню в ущелье мы, положим, разобьем. Но ведь вслед за этой сотней Империя неизбежно пришлет новую тысячу воинов. А вслед за тысячей к нашим границам явятся десять тысяч отборных бойцов Ляо. Великая Империя — это вам вовсе не разрозненные банды кыргызов. Кыргызы совершают быстрый набег ради грабежа: пришли, угнали скот, пожгли шатры и ушли обратно в свои кочевья. А Империя приходит на чужую землю всерьез и остается там навсегда.

Она строит свои регулярные гарнизоны, прокладывает дороги для обозов, ставит чиновничьи печати и возводит неприступные каменные башни. Империя никогда не уходит с завоеванных земель по доброй воле.

— Значит, наша главная задача — вообще не пускать их за черту наших границ, — твердо отрезал Кучлук.

— И как именно ты собираешься это сделать? — негромко спросил Тунук-аксакал. Его тихий шёпот прозвучал на холме удивительно отчетливо — это совет старейшин задавал свой главный вопрос. Бек обязан был дать им ясный ответ.

Кучлук медленно повернулся и посмотрел на синеющие вдали хребты Алтая. Эти суровые горы с белыми снежными вершинами были их вечным домом. Глубокие ущелья. Неприступные распадки. Каменные осыпи. Там, среди этих скал, кydани были всего лишь испуганными чужаками, а найманы являлись полноправными хозяевами земли.

— Мы встретим их в горах, — уверенно ответил Кучлук. — Не на открытых берегах Иртыша и не в бескрайней степи, а именно в тесных ущельях Алтая. Кydани сильны и неодолимы лишь тогда, когда они идут плотным регулярным строем на равнине. Но внутри узкого горного прохода никакой строй физически не сможет развернуться. В ущелье вся их армия превратится в хаотичную толпу, где каждый будет вынужден сражаться один на один. И этот бой пойдет сверху вниз. А на крутом склоне преимущество всегда принадлежит тому, кто стоит на самой вершине. А на вершине скал будем стоять мы.

— Ты собираешься заманить их в ловушку? — уточнил Караш, подавшись вперед.

— Да, я лично заманю их туда.

— Ну а если они окажутся умнее и просто откажутся идти в горы? Что, если их темник обойдет наши скалы стороной и направит всю свою армию прямо на беззащитный Иртыш, к нашему родовому лагерю?

— Они обязательно пойдут в горы, — убежденно отрезал Кучлук. — Великая Империя слишком горда и высокомерна, чтобы петлять по степи. Имперская армия не привыкла обходить препятствия стороной — она привыкла ломать их напролом и проходить насквозь. Прямо через любые преграды. В этом и заключается вся суть их имперской гордости. Если их темник решит обойти наши горы стороной — это будет означать, что Империя официально признала нас более сильным противником. А Империя Ляо никогда и ни перед кем не признает своей слабости. Их гордость погонит их вперед, прямо в ущелье. Они полезут в скалы вопреки всякому разуму.

Старый Балык-бек понимающе кивнул головой. Его палка снова веско стукнула по земле, выражая полное согласие с доводами лидера.

— Но здесь есть одно важное обстоятельство, — негромко произнес Тайбёгю, впервые взяв слово за весь курултай.

Его голос звучал на редкость тихо, мерно и глубоко — точно так же, как когда-то говорил великий вождь Тогрул. Каждое произнесенное им слово ложилось на душу вождей, словно тяжелый камень, который зодчий бережно укладывает в основание прочной стены.

— Кydани идут к нашим границам вовсе не ради обычного грабежа или мести за прошлые обиды, — продолжил Тайбёгю, глядя на вождей. — Им позарез нужно наше алтайское железо. Их цель — захватить наши богатые рудники и кузнечные мастерские рода Субаша, где куется лучшая сталь. Это не просто короткий карательный набег — это полноценная завоевательная война. Империя хочет навсегда прибрать к рукам наши рудники, подчинить себе кузницы и взять под контроль стратегическую дорогу, ведущую к горам. Если мы со всеми силами укроемся глубоко в горах, а кydани займут позиции на Иртыше — они окажутся аккурат между нами. Они зажмут наш союз в тиски и отрежут от внешнего мира. И этот процесс пойдет постепенно, капля за каплей. Сначала они поставят один регулярный гарнизон на ключевой переправе, затем возведут вторую крепость у брода, проложат охраняемый путь для своих обозов

между ними. И в итоге наш союз окажется полностью отрезан от своих главных богатств. Мы лишимся доступа к железу, потеряем контроль над горами и окажемся заперты в собственном доме без всяких перспектив.

На холме снова воцарилось долгое, глубокое молчание. Абсолютно все вожди родов мгновенно осознали всю правоту слов Тайбёгю. Вождь вовсе не пытался оспорить тактический замысел Кучлук или критиковать его план боя, он лишь дополнял его своей стратегической зоркостью. Кучлук мыслил как отважный и хитрый воин, ищущий тактическую победу в бою, а Тайбёгю смотрел на мир как мудрый правитель, видящий грядущие события на много шагов вперед. Острый боевой Меч Кучлука умел сокрушать врага на передовой, а зоркое Слово Тайбёгю способно было разглядеть скрытые ловушки судьбы. Меч разил врага здесь и сейчас, а Слово видело далеко за горизонт.

— Раз так — мы не ограничимся обычной засадой в скалах, — твердо произнес Кучлук, мгновенно перестраивая план. — Нам нужно не просто заманить их в ущелье — мы обязаны намертво удержать этот рубеж. Мы закроем этот горный проход навсегда. Соорудим мощный завал, выроем глубокий оборонительный ров и возведем прочную крепостную стену прямо поперек ущелья. Каменные скалы с обеих сторон станут для нас естественными границами, а горловину прохода мы закроем наглухо.

— И кто именно из наших людей будет возводить эти укрепления в такие короткие сроки? — подал голос Ташкай-бек, задав свой первый вопрос за всё время курултая. Он при этом даже не перестал мерно разжевывать кусок курдюка, его челюсти продолжали работать с четкостью маятника.

— Работать будут абсолютно все роды нашего союза без исключения, — отрезал Кучлук. — Все восемь племен встанут на стройку плечом к плечу. Так сурово велит великий закон Торе во время общей опасности.

Ташкай согласно кивнул головой, продолжая жевать. Его безмолвный кивок означал полное согласие рода Кымптуров с волей лидера.

— Каковы наши точные сроки? — деловито спросил Тунук-аксакал.

— У нас в запасе есть ровно два дня, — хладнокровно ответил Кутлуг. — На третий день карательный отряд кыданей выйдет к Каменному Броду. На четвертые сутки они будут стоять прямо здесь, у подножия наших гор. Мы обязаны успеть завершить все работы до их прихода.

— Мы успеем всё сделать вовремя, — каменно произнес Бэлгун-бек.

Это были его первые слова за весь курултай. До этого момента он хранил полное молчание. Бэлгун всю свою жизнь провел среди суровых скал Алтая, его род веками работал с гранитом, и он знал о камне абсолютно всё. И раз этот немногословный каменный вождь твердо пообещал «успеем» — значит, завал будет возведен вовремя вопреки любым трудностям. Серый гранитный камень никогда не ошибается в своих расчетах, а Бэлгун сам был частью этого камня.

Кучлук лишь молча кивнул ему в ответ. Он не стал рассыпаться в пустых благодарностях — на курултаях вождей это было не принято. Все восемь беков союза один за другим согласно кивнули головами. Великий курултай завершился, вожди поспешно поднялись со своих мест и начали разъезжаться по кочевьям. Уже к вечеру того же дня на склонах гор всюду закипела тяжелая, упорная работа.

Глава 3 Ущелье

Каменные Врата — так исстари звали этот проход. Две исполинские скалы, взмывавшие вверх без малого на триста локтей, сжимали ущелье, оставляя между собой узкую полосу земли шириной всего в сорок шагов. Дно прохода было сплошь каменистым. Прямо по его середине бежал бурный горный ручей — мелкий, леденящий и всегда серый от вымываемой глины. На головокружительной высоте, вдоль отвесных стен, тянулись узкие скальные карнизы, естественные выступы и тяжелые навесы из слоистого сланца. Под этими навесами можно было незаметно укрыть добрые тридцать лучников так, чтобы снизу их невозможно было разглядеть. Кучлук отыскал эти Врата еще безусым мальчишкой, когда впервые ходил в горы вместе с суровым Бэлгуном. Каменный вождь тогда показал ему этот проход в полном молчании — он не стал пускаться в долгие объяснения, а просто провел мозолистым пальцем по трещине в скале, указал на карниз, на едва заметную тропу и на опасную осыпь выше. Он не произнес банального «здесь мы встретим врага», он просто показал. Бэлгун вообще не любил тратить слова впустую — он всегда предпочитал показывать саму суть вещей.

Два дня и две ночи напролет в Каменных Вратах без усталости кипела работа. Восемь родов союза прислали сюда людей — и здесь трудились далеко не одни обученные воины. На стройку поднялся весь народ: женщины, старики и даже подростки. Они упрямо таскали из ущелья тяжелые булыжники, один за другим складывая их прямо поперек узкой горловины прохода. Это была еще не ровная, чистая стена крепости, а огромный, хаотичный оборонительный завал. Могучие груды дикого камня, перемешанные со слоями сырой земли и тяжелыми бревнами, поднялись в высоту на полных два человеческих роста, намертво перекрыв все сорок шагов прохода. Прямо перед этим завалом кымптуры вырыли оборонительный ров глубиной в три локтя, на самом дне которого намертво закрепили острые, наспех обтесанные колья из прочного тальника. Чуть выше, на скальных карнизах, туматы бережно уложили огромные валуны, обвязав их толстыми веревками из конского волоса, чтобы камни не сорвались вниз раньше времени. За самым завалом раскинулась ровная площадка, где замерли в ожидании тяжелые копейщики. А на верхних карнизах скал, надежно укрывшись в тених, заняли свои позиции меткие лучники.

Кучлук стоял на самом краю верхнего скального выступа, хладнокровно созерцая дело их рук. Отсюда, с высоты, их рукотворный завал, ров и площадка казались совсем крошечными и незащитными. Против огромной, овечной славой тысячи регулярного имперского войска эта постройка выглядела хрупкой преградой. Но весь секрет заключался в том, что она была возведена в самой горловине Каменных Врат. Ширина прохода составляла всего сорок шагов. Вся тысяча кыданей при всём желании не сможет развернуть здесь свой боевой строй, им придется втискиваться в это узкое горлышко. И в проходе их тысяча неизбежно сожмется до размеров одной жальной сотни. А с одной сотней врагов найманы на своей земле справятся без особого труда.

Кыдани вышли к ущелью на четвертый день, точно в соответствии с расчетами вождей. Это случилось ранним утром, когда густой, липкий туман еще плотным саваном лежал в низинах, и Каменные Врата казались серыми, промокшими от сырости и мрачными, напоминая глубокий колодец. Кучлук услышал приближение имперской армии гораздо раньше, чем сумел разглядеть первые силуэты сквозь белую пелену. До его слуха донесся звон. Мерный, металлический, пугающе чужой звук. Это не был привычный степной перестук конской сбруи или бряцание оружия — так звенела регулярная пехота Империи. Железные ламеллярные кольчуги. Сотни и тысячи кованых пластин терлись друг о друга при каждом шаге, рождая этот

зловещий гул. А за ним следовал топот. Тяжелый, монолитный шаг тысячи человеческих ног по голому камню.

Когда туман слегка рассеялся, кydани предстали перед ними — огромные, грозные и внушающие ужас одним своим видом. И эту иллюзию величия создавал не их физический рост, а великолепное имперское вооружение. Тяжелые ламеллярные панцири — вороненые, угольно-черные, собранные из сотен аккуратных железных пластин, надежно нашитых на прочные кожаные ремни. Остроконечные шлемы были снабжены чешуйчатыми назатыльниками, а их вершины украшали длинные плюмажи из конского волоса — черного, словно крыло ворона. Их длинные сабли — изящные, тонкие и слегка изогнутые — хищно поблескивали даже в тусклом утреннем свете. Боевые луки кydаней были составными, длинными и выглядели куда мощнее коротких найманских. Породистые крупные кони шли, защищенные тяжелыми кожаными нагрудниками. На наконечнике каждого копейного древка развевался бунчук с конским хвостом — черным, белым или рыжим. Повсюду высились боевые знамена и штандарты Империи Ляо.

Впереди всего этого грозного войска, на великолепном белом коне ехал их темник. На нем был роскошный шлем с искусной серебряной насечкой, а рукоять его боевой сабли была плотно обмотана яркой шелковой нитью — алой, словно свежая кровь. Темник не отличался выдающимся ростом или богатырской шириной плеч, но в его фигуре чувствовалась колоссальная тяжесть. И это был не вес его плоти или доспехов — это была тяжесть безграничной имперской власти. Он держался в седле с тем абсолютным спокойствием, которое рождается лишь у тех правителей, перед которыми всю жизнь беспрекословно расступались целые народы.

Но Кучлук перед ним не расступился.

Кydаньский темник плавно осадил коня у самого края оборонительного рва. Он хладнокровно окинул взглядом их завал из булыжников, оценил глубину рва, посмотрел на отвесные скалы и медленно поднял глаза вверх, к самым карнизам. Кучлук прекрасно понимал, что именно видит сейчас вражеский полководец: глубокие скальные расщелины, нависающие каменные навесы и густые черные тени. И в этих тенях могло скрываться что угодно — там могли затаиться тридцать метких лучников, могли лежать готовые к сбросу тяжелые валуны, а могла быть абсолютная, мирная пустота. Темник не знал точного ответа. И в этой неизвестности крылось главное тактическое преимущество найманов. Слепое незнание — это самое страшное оружие на войне, оно разит душу глубже любой стрелы. Враг, лишенный точных сведений, неизбежно начинает колебаться и медлить. А лишняя медлительность в бою — это верный шаг к смерти.

Впрочем, кydаньский темник был слишком опытным воином, чтобы долго медлить. Он сделал короткий, едва заметный жест правой рукой. От основного строя Империи мгновенно отделились два десятка всадников и неторопливым шагом двинулись вперед, двигаясь вдоль самого края рва и ведя разведку местности. Их тяжелые кони скользили на влажных камнях склона, копыта с сухим хрустом крошили сланец. Один из скакунов оступился на скользком обломке, испуганно шарахнулся в сторону и едва не рухнул на дно ущелья. Всадник резким, профессиональным движением поводьев сумел удержать коня на краю бездны. Но Кучлук, внимательно наблюдавший за ними сверху, успел подметить главное: кydани боятся. Они панически боятся этих суровых, незнакомых гор. Боятся дикого камня под копытами. Боятся всего того, чего не могут просчитать своим имперским умом.

— Не стрелять, — едва слышным шепотом передал Кучлук по цепи.

Рядом с ним на карнизе замер Караш-бек, намертво сжимая в ладони свой короткий лук. Пальцы старого воина едва заметно подрагивали на тетиве — но это была дрожь не от страха, а от дикого юношеского нетерпения. Караш всю жизнь рвался в бой первым и страстно желал открыть счет смертям в этой битве. Но Кучлук жестко удерживал его порыв.

— Пусть они зайдут глубже. Пусть переправятся через ров и втянутся в узкую горловину. Только когда они окажутся на самом дне мешка — мы обрушим на них всю силу гор.

Вражеская разведка благополучно завершила свой маневр. Они не стали входить внутрь узких Врат, а лишь аккуратно проехали по самому краю рва, заглянули в проход, осмотрели завал и поспешили вернуться к основным силам. Темник молча выслушал их короткие доклады. Спокойно кивнул шлемом и сделал второй, более решительный жест рукой. В атаку пошла имперская пехота.

В самых первых рядах двигались щитonosцы. Они несли перед собой огромные прямоугольные щиты — из кожи и дерева, оббитые железом. Прямо за их надежной стеной выстроились регулярные копейщики, а позади них двигались лучники. Это был безупречный, правильный имперский строй. Тот самый монолитный порядок, который на протяжении веков безжалостно ломал и перемалывал огромные кочевые армии на просторных равнинах от самого Китая до далекого Сыгнака. Строй, который никогда не знал поражений в открытом поле.

Но сейчас они были далеко не на равнине. Внутри узкой горловины Каменных Врат ширина прохода составляла всего сорок шагов. По мере продвижения вперед их хваленый имперский строй начал неумолимо сжиматься и ломаться под собственным весом. Щитonosцы были вынуждены встать вплотную — плечо к плечу, мешая друг другу. Копейщики поднимали свои длинные пики вертикально вверх, чтобы случайно не зацепиться наконечниками за выступы скал. А идущие позади лучники оказались абсолютно бесполезными: они физически не могли выпустить ни одной стрелы, ведь прямо перед их лицами высились широкие спины собственных товарищей. Тот самый строй, который обеспечивал им победу на равнинах, внутри горловины ущелья сам себя зажимал в смертельную ловушку.

Первые ряды кыданей спустились на дно рва. Острые, необтёсанные тальниковые колья мгновенно принялись за свою суровую работу: они безжалостно рвали кожаную обувь, насквозь протыкали тонкие поршни и с хрустом врезались в незащитные мужские икры. Кыданы закричали. Но это были стоны не от физической боли — кыданьские солдаты кричали от дикой, бессильной злости. Регулярный солдат великой Империи просто не привык к таким варварским методам ведения войны. На равнинах никто не роет ровов и не прячет колья под воду, там всё честно и понятно. А здесь, внутри узкого горла, их ждала эта коварная ловушка. Ров был неглубоким — всего три локтя. Но этого вполне хватило, чтобы полностью остановить их наступательный порыв. Лишить маневра. Заставить людей слепо злиться и лезть вперед вопреки всякому разуму, повинуюсь лишь гневу, а не приказам темника.

Имперские щитonosцы упрямо полезли через ров, карабкаясь по крутому склону. Они инстинктивно подняли свои широкие щиты высоко над головами, закрываясь от стрел, которых сверху еще никто не выпускал. И этим движением они полностью открыли свои ноги. Копейщики лезли следом за ними, ступая прямо по телам раненых товарищей, по грязи и окровавленным кольям. Оборонительный ров в мгновение ока забился живыми и мертвыми телами. Кучлук продолжал хладнокровно выжидать, не подавая сигнала к атаке. Он ждал, когда в ловушку втянется как можно больше врагов. Пусть они набьются в эту горловину, словно мясо в мешок.

Кыданьский темник, видя заминку, бросил в бой вторую волну пехоты. Людская лавина хлынула в проход, и их боевой порядок окончательно превратился в хаотичную, неуправляемую давку. На сорока шагах ширины ущелья теперь топтались, давили друг друга и яростно ругались больше воинов в ряд. Широкие щиты теперь откровенно мешали маневрировать, длинные копы с треском ломались при случайных ударах о скалы. Тяжелые железные пластины панцирей противно скрипели, цепляясь краями за острые выступы гранита. То самое железо, которое служило им надежным щитом на равнине, здесь стало смертельной обузой.

— Сейчас, — сказал Кучлук.

Он плавно поднял правую руку вверх. Караш со свистом натянул тетиву. Тридцать лучников союза одновременно повторили его маневр. Кучлук резко опустил ладонь вниз.

Тяжелые боевые стрелы лавиной полетели сверху вниз. Это были короткие, массивные снаряды с широкими железными наконечниками, выкованными мастерами из рода Субаша. Защитники целились вовсе не в конкретных кыданных воинов — они выпускали стрелы прямо в эту бурлящую людскую массу, зажатую в сорока шагах прохода. Промahnуться в такой тесноте было решительно невозможно. Каждая выпущенная стрела со свистом находила свою плоть. Прочные имперские ламелляры, конечно, надежно держали прямые удары, но доспех защищал человека далеко не везде. Открытая шея... подмышка при замахе... незащищенное бедро... узкие щели между суставами железных пластин. И найманские стрелы безошибочно находили эти микроскопические зазоры. В эти щели вонзалось каленое железо, принося с собой мгновенную смерть.

Кыдани закричали. И в этом крике уже не было прежней злости — ущелье наполнилось диким, первобытным ужасом. Стрелы разили их сверху, прилетая из ниоткуда. Из серого камня скал, из густых черных теней под навесами. Враг оставался абсолютно невидимым для них. Им казалось, что против них воюет сама гора. Сами скалы изрыгают смерть.

Пытаясь спастись от этого града, щитоносцы дружно подняли свои щиты над головами. И в ту же секунду они полностью оголили свои нижние конечности. Затаившиеся на карнизах лучники мгновенно скорректировали прицел. Они перенаправили поток стрел вниз — прямо по ногам штурмующих. А ноги кыданей были обуты в обычные кожаные сапоги или поршни, лишенные малейшей железной брони. Каленые стрелы с хрустом вонзались в голени, пробивали стопы и дробили коленные суставы. Кыдани падали на камень. А дикий гранит был куда тверже и беспощаднее любого человеческого железа.

Кыданийский темник сразу всё понял — он был действительно опытным, бывалым военачальником. Он резким взмахом руки отдал приказ к немедленному отступлению. Пехота Империи испуганно подалась назад, стремясь вырваться из Каменных Врат. Но на пути их бегства снова встал оборонительный ров. Ров, который к этому моменту был уже доверху забит телами павших солдат, обломками копий и липкой грязью. Преодолевать такое препятствие в обратном направлении, поддавшись панике, было в сто крат труднее и дольше, чем наступать в строю. А любая заминка при отступлении обходилась кыданям слишком дорого. Найманские стрелы продолжали непрерывным потоком лететь сверху. Защитники разили врага без малейшей жалости и пауз. Кучлук сознательно не давал им времени на передышку. Любая пауза на войне позволяет врагу перезарядить оружие, перегруппировать силы и перевести дух. А враг Империи не должен был отдыхать. На его голову летели только стрелы.

Караш-бек стрелял с поразительной скоростью. Он не тратил драгоценные мгновения на тщательное прицеливание — он вел огонь на чистом внутреннем чувстве. Он держал в руках боевой лук с семилетнего возраста, занимаясь этим делом полных тридцать лет. Настоящий степной лучник никогда не целится в мишень глазами — он чувствует её траекторию всем своим существом. Тугая тетива звонко шелкала у самого уха, и тяжелые стрелы одна за другой уносились в цель. Караш вел этот счет без остановки и усталости, его руки работали сами собой, словно отлаженный механизм. Глаза безошибочно выхватывали контуры мишеней в тумане, а пальцы знали точный момент спуска.

В конечном итоге темнику удалось вывести из Каменных Врат едва ли половину своего штурмового отряда. Вторая половина пехоты навсегда осталась лежать на дне оборонительного рва, на острых камнях ущелья и между отвесными скалами. Мертвые тела, тяжелораненые бойцы, в панике давящие друг друга солдаты. Прочные имперские ламелляры теперь тускло блестели от пролитой крови, остроконечные шлемы валялись под ногами, словно обычные булыжники, а изящные сабли лежали брошенными в грязи. Имперское железо осталось без человеческих рук. А руки лишились своего железа.

Кучлук плавным движением руки приказал остановить огонь. Стрелы в колчанах еще оставались, но на сегодня этого было более чем достаточно. Первого урока для Империи вполне хватило. Кыдани получили наглядный пример того, как с ними будут воевать в этих горах. И Кучлук прекрасно понимал: враг умеет учиться на своих ошибках. Великая Империя никогда не совершает глупостей дважды. Уже завтра они вернуться к Каменным Вратам совсем по-другому: их щитоносцы поднимут щиты гораздо выше, коварные колья во рву будут полностью вырублены саблями, а вперед они пустят собственных лучников, чтобы подавить огневые точки на карнизах. Империя проанализирует это поражение, полностью перестроит свои ряды и снова пойдет на штурм. Будет лезть вперед снова и снова, пока не прорвет оборону.

Но сегодня они не прошли. Горловина Каменных Врат упрямо держала удар. Дикий камень скал стоял на своем месте, а найманские стрелы надежно охраняли проход.

Кучлук неторопливо спустился с верхнего скального карниза. Он шел по узкой, едва заметной каменной тропке — той самой, которую ему когда-то показал в детстве мудрый Бэлгун. На самом дне ущелья лежали десятки тел павших врагов. Кучлук шел вперед прямо через это месиво. Он не пытался брезгливо переступить через трупы, он шагал прямо по ним, по железу, по телам, по крови. И поступал он так вовсе не из врожденной жестокости или садизма — в этом заключалась суровая воинская необходимость. Ноги молодого лидера должны были с самого первого боя привыкнуть к этому ощущению. Вождь обязан был четко знать вкус этой земли. Земли, обильно политой вражеской кровью после успешного боя. Никакой другой земли у них для защиты своего дома просто не было.

Он наклонился и поднял с камней брошенную кыданьскую саблю. Она оказалась удивительно легкой, изящной и сбалансированной. В его ладони она замерла, словно живое существо. Это был не их тяжелый и прямой меч — эта сабля напоминала стремительную стальную птицу. Кучлук сделал несколько пробных взмахов в воздухе. Один удар, второй. Сабля плавно скользила, резала воздух без малейшего усилия.

Тяжелый меч Эркин продолжал мирно покоиться у него на поясе. Прямой, массивный и древний. Кучлук перевел взгляд со старого меча прадеда на изящную трофейную саблю в руке. Два совершенно разных оружия. Два разных времени. Меч олицетворял собой их нерушимое прошлое, а сабля знаменовала стремительное настоящее. Но меч оставался их главным корнем, а сабля была лишь гибкой ветвью.

Он разжал пальцы и равнодушно бросил трофейную саблю обратно на камни ущелья. Он не стал брать её себе. По крайней мере, не сейчас. Он возьмет её в руки лишь тогда, когда полностью поймет её суть. Когда примет её всем сердцем. Когда в его сознании древний корень меча и гибкая ветвь сабли окончательно срастутся в одно единое целое. А пока его оружием оставался меч. Его верный Эркин. И над ними по-прежнему царил великий закон: «Тенгри буюрды».

Глава 4 Стена

Кыдани вернулись к Каменным Вратам спустя три дня. И на этот раз они нанесли удар не с одного направления — их армия атаковала сразу с двух сторон. Имперский темник оказался далеко не глупым человеком. Он выделил отряд из двух сотен отборных всадников и отправил их в глубокий обходной маневр через Малый перевал, который его разведчики сумели отыскать в горах на вторые сутки после поражения. Это был узкий, невероятно крутой и опасный горный проход, но для породистых кыданских лошадей он оказался вполне проходным. Двести конных воинов должны были зайти найманам в тыл. А с фронта, со стороны ущелья, позиции защитников атаковали полные пятьсот пеших солдат Империи. И пришли они уже не с голыми руками: пехота тащила за собой тяжелые штурмовые тараны — массивные бревна, бережно обтянутые толстой бычьей кожей и подвешенные на прочных канатах. Рядом воины несли штурмовые лестницы, искусно сплетенные из гибкого речного тальника — легкие, короткие и удобные для штурма завала. А идущие в задних рядах солдаты тащили огромные плетеные корзины, доверху набитые камнями, глиной и сырой землей. С помощью этих корзин они намеревались полностью засыпать оборонительный ров перед завалом.

Кучлук узнал об этом коварном обходном маневре врага благодаря бдительности молодого Мунгуша-младшего, который бежал с Малого перевала три ночи напролет без единой остановки. Он загнал в мыло двух лучших коней союза и преодолел последний отрезок пути на своих двух. Этот парень во всем походил на своего знаменитого деда: он был невероятно выносливым, жилистым, привычным к любым капризам горной стужи и совершенно неутомимым на ходу. Его собственные крепкие ноги порой оказывались надежнее и быстрее любых конских копыт. Мунгуш ворвался в военный лагерь и без сил рухнул на землю прямо у походного костра. И упал он вовсе не от смертельной физической усталости — его подкосил дикий, изнуряющий голод: парень не держал во рту ни единой крошки пищи три дня подряд, утоляя жажду лишь ледяной водой из горных ручьев.

— Двести всадников... зашли через Малый перевал... — тяжело, с хрипом выдохнул Мунгуш-младший, пытаясь поймать ртом воздух. — Они шли три ночи подряд... Кони скользят на камнях, их железные панцири слишком тяжелы для подъема... Но они сделали это и преодолели хребет. Уже завтра они будут стоять прямо здесь, у нас в тылу.

Кучлук выслушал весть совершенно спокойно, в его глазах не отразилось ни капли паники. На войне вообще нет места лишней суете и страху, здесь нужно действовать быстро и хладнокровно. Время сомнений вышло, пришел черед твердых решений.

— Бэлгун, — повернулся Кучлук к каменному вождю туматов. — Твоя задача — удерживать перевал. Забирай своих горных воинов, вы рождены среди этих скал и знаете каждую расщелину. Вы обязаны наглухо запереть эту тропу для кыданей. Не пускайте их, обрушивайте на их головы тяжелые валуны с верхних карнизов, устраивайте завалы на узких поворотах. Вы — хозяева этих гор, а они — нет. Сама тропа там узкая, конница сможет продвигаться по ней лишь поодиночке, растянувшись в длинную нить. А когда враг идет по одному — один точный удар камня сверху решает все вопросы.

Бэлгун-бек молча кивнул головой в знак согласия. Он не стал тратить драгоценное время на пустые расспросы или заверения в верности — просто молча поднялся со своего места и уверенно зашагал в сторону перевала. Бэлгун никогда не любил говорить — он всегда предпочитал делать.

— Караш, твой пост остается прежним — оборонительный ров и завал в Каменных Вратах. Лучники занимают свои места на карнизах скал, тяжелые копейщики выстраиваются за

насыпью. Я лично возглавлю пеший гарнизон в самой горловине прохода. Если кыдани сумеют преодолеть ров и полезут на завал — мы будем нещадно рубить их в проходах.

— Ну а какая задача ляжет на мои плечи? — негромко спросил Тайбёгю, подавшись вперед.

— Ты возглавишь наш резерв, — ответил Кучлук. — Под твоим началом остаются двадцать отборных коней, вы займете скрытую позицию прямо за горловиной ущелья. Если случится страшное и враг сумеет прорвать нашу пешую оборону на завале — твоя конница должна будет нанести стремительный, сокрушительный удар во фланг кыданиям. В этой тесноте, налетев на них со стороны холма, вы легко сомнете их ряды.

Тайбёгю согласно склонил голову и не стал спорить со своим лидером. Священный меч союза по праву находился в руках Кучлука, а Тайбёгю владел мудрым Словом. Но в самый разгар смертного боя всё право голоса принадлежит исключительно Мечу. Во время битвы лагерем командует Кучлук. А вот когда резня завершится — придет законный черед для мудрого Слова Тайбёгю.

Утро следующего дня выдалось туманным, мокрым и холодным. Каменные Врата высились в белой дымке, серые и неприступные, напоминая разинутую пасть огромного дикого зверя, которая дышит леденящей стужей. Кучлук занял свою боевую позицию прямо на вершине оборонительного завала, крепко сжимая в правой ладони тяжелый меч Эркин. На левую руку он надел легкий круглый щит, искусно сбитый из толстой кожи и укрепленный по самому центру массивным железным умбоном. Это не был тяжелый трофейный щит кыданей — это было их собственное найманское оружие. В условиях тесного горного боя легкий щит всегда ценится гораздо выше громоздкого имперского. Тяжелое снаряжение быстро утомляет воина и лишает его маневренности, превращая в обузу, а легкий щит становится естественным продолжением твоей собственной руки.

Пехота кыданей пошла на штурм удивительно ровно, слаженно и размеренно, напоминая работу гигантских мельничных жерновов. Первые ряды солдат принялись слаженно бросать свои плетеные корзины прямо на дно оборонительного рва. Тяжелые камни, комья глины и сырая земля непрерывным потоком летели в яму, засыпая острые тальниковые колья. Поверх этой импровизированной насыпи кыдани быстро уложили массивные деревянные бревна, соорудив прочные мосты. И по этим мостам на штурм устремилась вражеская пехота.

Впереди штурмовых колонн двигались щитоносцы. Они держали свои широкие щиты прямо перед собой, плотно сомкнув ряды и не пытаясь поднимать их над головами — они явно учили горький опыт первого поражения. В прошлый раз они подняли щиты вверх, открыв ноги для стрел, и поплатились за это десятками жизней. Сегодня они защищали свои тела с фронта, но при этом полностью открыли собственные головы для удара сверху. Кучлук хладнокровно усмехнулся, подметив эту ошибку врага. Да, великая Империя Ляо умела учиться на своих промахах, но их имперская наука была бессильна перед суровой логикой гор. Закрывая щитом грудь от фронтального удара, пеший солдат на крутом склоне неизбежно подставляет свою макушку под удар сверху. А на верхних карнизах скал его уже нетерпеливо ждал Караш-бек со своими лучниками.

— Цельтесь прямо в головы, — едва слышно шепнул Кучлук.

Караш-бек понимающе кивнул шлемом, и в ту же секунду тугие тетивы луков звонко щелкали по всему периметру скал. Тяжелые каленые стрелы лавиной полетели сверху вниз, вонзаясь прямо в открытые головы штурмующих. Они с силой ударяли в железные шлемы, вонзались в чешуйчатые назатыльники доспехов. Прочное имперское железо шлемов, конечно, в большинстве случаев успешно выдерживало эти прямые попадания, но защита кыданей была далеко не идеальной. Узкий зазор между основанием шлема и назатыльником доспеха оставался полностью открытым. И найманские стрелы без промаха вонзались точно в эту микроскопическую щель. Стрела пробивала шею врага, принося с собой мгновенную смерть.

Кыданыские солдаты один за другим валились в грязь, но их товарищи продолжали упрямо лезть вперед. Живые жернова Империи неумолимо двигались к завалу.

Кыдани с ходу приставили свои легкие штурмовые лестницы к насыпи и полезли наверх. Они карабкались по перекладам, ступали по телам павших товарищей и цеплялись руками за бревна завала. Впереди штурмующих колонн грозно торчали длинные имперские копья. Но сверху их уже встречали прочные найманские пики и тяжелые кедровые шесты туматов. Защитники обрушивали свои удары на головы врагов со всей дури. Массивные железные бойки шестов с ужасным грохотом и хрустом ударяли в кыданыские шлемы. Человеческие кости не выдерживали такого страшного давления и с треском крошились. Шлем штурмующего был сделан из прочного железа, и это железо сталкивалось с тяжелым железом найманского бойка. Но массивный торец туматского кедрового шеста был во сто крат тяжелее и разрушительнее любого доспеха. В условиях горного боя всегда безупречно работает один вечный и нерушимый закон: наносить удар сверху вниз всегда гораздо легче и эффективнее, а обороняться в самом низу — невыносимо тяжело. Кыдани находились в самом низу ловушки, а найманы стояли на вершине силы. Тяжелый туматский шест одним точным ударом вдребезги ломал имперский шлем, крошил череп врага и с прахом сбрасывал его тело обратно на дно рва.

Кучлук яростно рубился в самых первых рядах защитников. Его прямой тяжелый меч Эркин без устали наносил страшные удары сверху вниз. Клинок прадеда разил врагов наповал: сокрушал плечи, разрубал шеи и начисто отсекал чужие пальцы, которые отчаянно хватались за деревянный край завала. Этот меч не умел плавно скользить в воздухе и резать плоть на лету, словно изящная сабля, — он упрямо и тяжело рубил с плеча. Рубил медленно, размашисто, но зато абсолютно надежно и наповал. Прочная человеческая кость с хрустом ломалась под его ударом, вражеская рука мгновенно разжимала пальцы, и искалеченное тело с криком валилось обратно вниз — прямо на дно рва, на острые камни.

Но кыданыские солдаты продолжали неистово лезть на завал. Их наступательный порыв казался бесконечным. Суровая имперская дисциплина Ляо не знала слова «отступление», солдаты были обязаны идти вперед до тех пор, пока их ноги способны нести тело. Они покорно шли на штурм. Шли до тех пор, пока оставались живы. Найманские стрелы непрерывным потоком летели с карнизов скал, тяжелые кедровые шесты туматов безжалостно крушили шлемы, а меч Кучлука продолжал методично рубить врага на передовой. Кыдани лезли на завал — и сотнями падали замертво в грязь рва. Падали — но следующие ряды упрямо карабкались по их телам вверх.

И в конечном итоге им всё же удалось сломить оборону защитников. Враг сумел преодолеть вовсе не сам завал — они сломили железную волю стоявших на нем парней. Трое отважных кыданыских воинов умудрились одновременно дотянуться руками до самого верхнего края насыпи. Одним мощным рывком они перекатались через бревна бруствера и твердо встали на ногах прямо на завале. Один из этих прорвавшихся штурмующих оказался рослым богатырем, он держал в руках огромный железный двуручный топор. С диким боевым криком он со всей дури обрушил свое оружие прямо на легкий круглый щит Кучлука. Прочный кожаный щит найманского лидера с ужасным треском лопнул пополам от этого страшного удара. Кучлук брезгливым движением руки отбросил бесполезные обломки в сторону и мгновенно нанес ответный удар мечом. Это был прямой, яростный рубящий удар сверху вниз. Тяжелый клинок Эркин со страшной силой обрушился прямо на плечо великана. Прочные железные пластины его ламеллярного панциря, надо отдать им должное, выдержали этот прямой удар и не позволили стали рассечь плоть воина. Но колоссальная кинетическая сила этого удара была столь велика, что рослого кыдана буквально отбросило назад. Он потерял равновесие и навзничь рухнул на спину прямо на завал. Кучлук среагировал мгновенно, на чистых воинских инстинктах — он прыгнул вперед и со всей силы наступил ногой на его шлем. Его нога была обута в обычный кожаный поршень, но тяжелые бедра воина придали этому движению

сокрушительный вес. Человеческая кость с силой столкнулась с имперским железом доспеха. Остроконечный шлем от этого страшного удара съехал в сторону, полностью обнажив лицо штурмующего. И Кучлук с удивлением увидел, что перед ним лежит совсем молодой, безусый парень, у которого на лице не было ни единого волоска бороды. Его широкие серые глаза были огромными, и в них сейчас отражался вовсе не боевой гнев или ненависть к врагу — парень смотрел на Кучлука с диким, первобытным испугом. Он не был злобным чудовищем, он был просто испуганным ребенком войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.